

УДК 821.161.1

Пегас в поэзии П.А. Вяземского: деметафоризация и деконструкция образа

Соловьев Николай Николаевич

Аспирант кафедры языкознания и литературоведения,
Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова,
455000, Российская Федерация, Магнитогорск, просп. Ленина, 38,
e-mail: kolya.solowey.89@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены процессы деметафоризации и деконструкции традиционного поэтического образа Пегаса, символа вдохновения, в стихах П.А. Вяземского. Главными приемами поэта становятся ирония и игра с прямыми и переносными значениями слов. Вяземский изначально включает образ Пегаса в сатирические контексты, что позволяет превратить поэтизм в средство литературной борьбы. Затем происходит деметафоризация образа: Пегас наделяется «дикостью» и «уздой», затем «седлается» и наконец превращается в реальную почтовую лошадь. Трансформациям подвергается и образ поэта – «всадника Пегаса». Он и пассажир, и путешественник, и всадник – в одном лице. Соответственно несколько «пегасов» уже влекут поэта в пространство вдохновения. «Игровая поэтика» оказывается важной характеристикой стиля и метода Вяземского-поэта.

Для цитирования в научных исследованиях

Соловьев Н.Н. Пегас в поэзии П.А. Вяземского: деметафоризация и деконструкция образа // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 2А. С. 181-187.

Ключевые слова

Пегас, образ лошади в поэзии, деметафоризация, деконструкция.

Введение

Как известно, образы животных издавна присутствуют в изобразительном и словесном искусствах. Так, считается, что самые древние из известных наскальных изображений быков и лошадей были сделаны в доисторическую эпоху около тридцати тысяч лет назад. Упоминания о лошади есть в эпосе многих народов; в литературе древнего мира образ лошади встречается начиная с Античности (достаточно вспомнить о колеснице Гелиоса, мифы о

Кроносе, принимавшем облик коня, о Пегасе, о Троянском коне). Со второго тысячелетия до нашей эры в странах Древнего Востока создаются пособия по искусству верховой езды. Богато украшен скульптурными изображениями лошадей афинский Парфенон. Фигуры лошадей с всадниками находим на мозаичных картинах в Древнем Риме. Изображения святых на лошадях нередки в древнерусской иконописи. В русском фольклоре образы лошадей встречаются в былинах и сказках, в древнерусской литературе – в жанре воинской повести.

Итак, анималистический жанр в искусстве имеет древнейшее происхождение. За образом лошади в европейской эмблематике закрепились следующие значения: лошадь может быть символом «скорости, грации, а также мужества и вождения <...>, лошадь символизировала мимолетность жизни, а затем в христианском искусстве лошадь стала эмблемой благородства» [Телицын, 2005, 275]. Символичны образы лошадей, которые упоминаются в Откровении Иоанна Богослова: «четыре лошади – белая (чума), ярко-красная (война), черная (голод) и бледная (смерть)» [там же].

Нас будет интересовать «аллегорический образ поэтического вдохновения» [Фасмер, 1987, т. 3, 225] – Пегас. Он становится символом еще в VI веке благодаря мифографу Фульгенцию, который «сделал Пегаса символом Славы, поскольку и Пегас, и Слава крылаты» [Холл, 1996, 423]. С именем Пегаса связано несколько греко-римских мифов, в частности миф о Беллерофонте. В то же время позднеэллинистический автор Палефант ставит под сомнение само существование Пегаса, крылатых коней как таковых. В его работе «О невероятном» читаем: «Название же его корабля было Пегас (как и теперь у каждого корабля есть свое название; и, на мой взгляд, имя Пегаса больше подходит кораблю, чем коню)» [Палефант, 1988, 223]. Тем самым Палефант развенчивает мифы о Беллерофонте и о Пеллопе и его конях. Это не помешало Пегасу стать «конем поэтов»: «В III в. александрийские поэты создали представления о Пегасе как коне поэтов. Появившееся выражение «оседлать Пегаса» означает «стать поэтом» [Телицын, 2005, 364]. С эпохой классицизма образ Пегаса проникает и в русскую литературу.

В рамках данной статьи мы рассмотрим процесс становления образа Пегаса в качестве метафоры-символа в поэзии П.А. Вяземского. Вяземский обращается к образу Пегаса на протяжении более чем сорока лет своей творческой деятельности. Стихотворения, в которых представлен образ Пегаса, можно разделить на две условные группы. Первая создана преимущественно в 1814-1826 годах, в относящихся к ней стихотворениях Вяземский размышляет о Пегасах у других поэтов. О собственном Пегасе поэт пишет в 1826-1878 годах.

Истоки метафоры

В 1814 году Вяземский создает нозль «Спасителя рождением...», который становится отправной точкой в формировании образа Пегаса:

*Беседы сын отважный,
Пегаса коновал,
Еров злодей присяжный,
Языков тут сказал.*

[Вяземский, 1982, т. 1, 51].

В приведенных строках образ Пегаса включается в сатирический контекст, направленный против Языкова. Языков – «гонитель» букв «ять» и «ер», иногда печатавший свои книги без них, – становится здесь «коновалом». Следует прокомментировать это именование. В данном случае речь идет не о закрепившемся в языке значении, а о значении тех слов, от которых оно произошло. Так, в своем словаре Фасмер указывает происхождение этого слова: «от *конь* и *валить*; польское *walić kopia* «валить жеребца для кастрации» [Фасмер, 1986, т. 2, 311]. Таким образом, Вяземский (который хорошо владел польским языком, а во время службы в Варшаве даже переводил на русский язык сонеты Мицкевича) указывает на ущербность Пегаса Языкова. Иными словами, Вяземский говорит о том, что, портя поэтический язык, выкидывая неугодные буквы, Языков обезображивает собственные произведения.

В стихотворении «Спасителя рождением...» образ Пегаса выполняет сатирическую функцию, но уже в следующем, 1815 году, в стихотворении «Когда? Когда?» начинает формироваться метафора-символ Пегаса с присущими ему отличительными особенностями:

*Когда очистится с Парнаса
Неверных злобная орда,
И дикого ее Пегаса
Смирит надежная узда...*

[Вяземский, 1982, т. 1, 66].

В первых строках появляется образ «злой орды», так поэт сатирически называет членов «Беседы любителей русского слова». Для понимания метафоры важны следующие детали – «дикость» и «узды». Эпитет «дикий», приложенный к Пегасу, указывает на «варварский», далекий от искусства характер творчества «беседчиков». Вдохновение унесет их в поэтические дали лишь после того, как будет обуздано, «смирено уздой».

Мотив обуздания Пегаса можно найти и в другом стихотворении Вяземского – «Катай-валяй» (1820):

*Под вьюком ваших дарований
Пегас как вкопанный стоит.
Но ты, друг музам и Арею,
Пегаса на лету седлай*

[там же, 120].

Здесь также появляется средство «усмирения» Пегаса – «седло». Как «дикий», так и «навьюченный» Пегас не могут нести поэта на Парнас, к Музам, тогда как оседланный, покоренный, обузданный – может. Таким образом, поэт – это тот, кто оседлал Пегаса,

и, следовательно, Вяземский обращается к фигуральному выражению александрийских поэтов. Данную «формулу» мы найдем, например, в «Послании к Т.М. Каченовскому» (1820): «Но в мирной муз семье, средь всадников Пегаса» [там же, 115]. В дальнейшем творчестве Вяземского это определение сохраняется, поэт – всадник Пегаса. Однако в 1826 году он пишет стихотворение «Коляска», которое привносит в образ Пегаса качественно новые черты. «Пегас» становится метафорой.

Метафора «Пегас» в поэзии П.А. Вяземского

Последовательно перечислим те образы, в которых Вяземский представляет здесь Пегаса: «стихотворный скакун», «избалованный пегас», «пегаса сродники земные, пегасы просто почтовые». Очевидно, что происходит движение от образа высокого к образу приземленному – от аллегорического образа поэтического вдохновения к лошади как реальному животному. Синекдоха «Пегасы почтовые» – важная характеристика для понимания метафоры. Почтовое сообщение совершалось самыми резвыми лошадьми, у почтовых карет был приоритет в движении – на станциях их всегда ожидала свежая смена. Вяземский использует здесь описательный оборот. Чем это может быть вызвано?

Его «пегасы» влекут коляску, в которой написано немало стихотворений:

*И многие мои стихи –
Как быть? – дорожные грехи
Праздношатающейся музы.*

[Вяземский, 1880, т. 3, 397].

Эти «просто почтовые» приобретают свойства скакунов поэтических. Если раньше поэты странствовали на Пегасе (всадники Пегаса), то Вяземский странствует с удобствами – в коляске, запряженной Пегасами. Упряжь несет его как по реальному пространству, так и по просторам фантазии:

*Да чуть и мне уж не пора ли
Свернуть из баснословной дали
На почву прозы и земли.*

[там же, 400].

Итак, образ Пегаса предстает перед нами в обыденном, приземленном виде. Ту же «деметафоризацию» и даже «деконструкцию» поэтического образа находим у Пушкина в «Домике в Коломне» (1830):

*Его не обогнал бы. Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас.*

[Пушкин, 1950, т. 4, 325].

Посмотрим на другие черты, которыми наделяет «скакуна» Вяземский: «заносчивый», «строптивно-непокорный», «гуляет, рассудка не спросясь», «бесился подо мной довольно / Прекрасным всадником гордись» (курсив Вяземского. – Н. С.).

Во-первых, поэт использует иронию: его Пегас – лошадь не обыкновенная, но с норовом. Возникает закономерный вопрос: только ли о лошади говорит поэт? В исследовании К. д'Орнеласа «Метафора лошадь – наездник в текстах английского Возрождения» прослеживается взаимосвязь между «лошадью» и «женщиной», которая актуальна для «скакуна» Вяземского (английская культура близка поэту, так как его мать ирландка, в девичестве О'Рейли). Исследователь отмечает сходства между объездкой лошади и «выучкой» женщины. Отметим только актуальные сходства: мужчина-муж выступает как кучер, укротитель, объездчик; укрощение женщины достигается за счет узды ("curb, curbe") [д'Орнелас, www]. Прослеживаются явные сходства в процессе «обуздания» Пегаса Вяземского и укрощением женщины. Можно полагать, что под «скакуном» поэт понимает еще и «праздношатающуюся» Музу – поэтическую спутницу жизни.

Во-вторых, образ *всадника* логически противоречит смыслу стихотворения (ибо всадник – тот, кто едет верхом на коне, а не путешествует в коляске), но не противоречит смыслу метафорическому: поэта как «всадника Пегаса». Перед нами, кроме того, ироническая переделка строки ломоносовской оды (последний стих одиннадцатой строфы в оде 1750 года) «Прекрасной всадницей гордись». У Ломоносова шла речь об императрице Елизавете Петровне, охотящейся верхом. «Меняя» *пол всадника*, Вяземский шутивно претендует на определенный статус – «императора» стихотворных строк.

На образ поэта – «всадника Пегаса» накладывается также и образ путешественника, который странствует в коляске, запряженной Пегасами:

Поэт болтливый, он к тому же

Как путешественник болтлив.

[Вяземский, 1880, т. 3, 400].

Вяземский продолжает иронизировать над самим собой, называя свою болтливость как путешественника и как поэта «двойным подрывом».

Заключение

Итак, эмблематический образ Пегаса иронически переосмысливается Вяземским. Мифическое животное, символ поэтического вдохновения, Пегас преображается им в реальную почтовую лошадь, влекущую коляску. Сохраняя черты «крылатого коня», Пегас становится затем верховой лошадью. После этого происходят изменения и с самим автором: он оказывается путешественником, своего рода менестрелем, то есть странствующим поэтом. И, наконец, увеличивается число «крылатых коней», и уже не один Пегас, а несколько «пегасов» несут поэта к вдохновению теперь уже не под седлом, а в упряжке. С полным правом мы можем назвать то, что Вяземский проделал с традиционным образом-символом, деконструкцией.

Библиография

1. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений в 12 томах. СПб., 1880. Т. 3. 479 с.
2. Вяземский П.А. Сочинения в двух томах. М., 1982. Т. 1. 463 с.
3. д'Орнелас К. Метафора лошадь – наездник в текстах английского Возрождения. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-2004-12.html>
4. Палефант. О невероятном // Вестник древней истории. 1988. № 4. С. 219-233.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Москва – Ленинград, 1950. Т. 4. 552 с.
6. Телицын В.Л. (ред.). Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М.: Локид-Пресс, Рипол Классик, 2005. 490 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. 672 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. 831 с.
9. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Крон-Пресс, 1996. 656 с.

Pegasus in poetry by Vyazemsky: demetaforization and deconstruction of the image

Nikolai N. Solov'ev

Postgraduate,
Department of linguistics and literary studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University,
455000, 38 Lenina st., Magnitogorsk, Russian Federation;
e-mail: kolya.solowey.89@mail.ru

Abstract

This article describes the process of demetaforization and deconstruction of the traditional poetic image of Pegasus, symbol of inspiration, in the verses by Vyazemsky. The main techniques of the poet is irony and play with direct and figurative meanings of words. Vyazemsky initially includes an image of Pegasus in satirical contexts that allows to turn poetry in a means of literary struggle. Then there is a demetaforization of the image: Pegasus is endowed with "savagery" and "check" and finally turns into a real post-horse. The poet's image also transforms. He is the passenger, and the traveler, and the rider – in one person. Accordingly, several Pegasi already involve the poet in the space of inspiration. "Gaming poetry" is an important characteristic of the method and style of Vyazemsky as a poet. So, an emblematic image of Pegasus is ironically refashioned by Vyazemsky. Mythical animal, a symbol of poetic inspi-

ration, Pegasus transforms in a real post-horse. Keeping the features of the "winged horse", Pegasus becomes riding horses. Finally, number of "winged horses" is increasing, there is no one Pegasus, but some Pegasi bear the poet for inspiration not under saddle but in harness. Rightfully, it is deconstruction that Vyazemsky have done with a traditional image-symbol.

For citation

Solov'ev N.N. (2017) Pegas v poezii P.A. VYazemskogo: demetaforizatsiya i dekonstruktsiya obraza [Pegasus in poetry by Vyazemskiy: demetaforization and deconstruction of the image]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (2A), pp. 181-187.

Keywords

Pegasus, image of a horse in poetry, demetaforization, deconstruction.

References

1. d'Ornelas K. *Metafora loshad'-naezdnik v tekstakh angliiskogo Vozrozhdeniya* [The metaphor of the horse-rider in the texts of the English Renaissance] Available at <http://www.w-shakespeare.ru/library/shekspirovskie-chteniya-2004-12.html> [Accessed 17/02/2017].
2. Fasmer M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language], vol. 2. Moscow: Progress Publ.
3. Fasmer M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language], vol. 3. Moscow.
4. Hall J. (1974) *Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve* [Dictionary of subjects and symbols in art]. Moscow: Kron-Press Publ.
5. Palefant (1988) *O neveroyatnom* [About the incredible] *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history], 4, pp. 219-233.
6. Pushkin A.S. (1950) *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete works in 10 volumes], vol. 4. Moscow – Leningrad.
7. Telitsyn V.L. (ed.) (2005) *Simvol'y, znaki, emblemy. Entsiklopediya* [Symbols, signs, emblems. Encyclopedia]. Moscow: Lokid-Press, Ripol Klassik Publ.
8. Vyazemskij P.A. (1880) *Polnoe sobranie sochinenii v 12 tomakh* [Complete works in 12 volumes], vol. 3. Saint Petersburg.
9. Vyazemskii P.A. (1982) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Compositions in 2 volumes], vol. 1. Moscow.